

П. Бавин

Февральская революция и свержение монархии: *взгляд из России XXI века*

В преддверии 90-й годовщины Февральской революции 1917 года мы решили выяснить, какое место занимает это событие в том сегменте массового сознания россиян, который принято называть “исторической памятью”.

В работах французского историка Пьера Нора настойчиво проводится противопоставление Истории и Памяти как противоборствующих явлений по отношению к бытованию того или иного события в сознании общества: Память сакрализует прошлое, придает ему застывшую форму монумента, в то время как История стремится разрушить этот монумент, она десакрализует события [Нора. 1999]. В какой-то момент на стыке Истории и Памяти нация создает “места памяти” – знаки “в чистом виде”, обладающие двояким свойством: а) они закрыты в себе самих, являются самодостаточными объектами; б) они обретают способность к порождению новых значений, выходящих за рамки памяти или расширяющих ее относительно того объекта, которому эти “места” посвящены¹.

Российской Февральской революции в этом плане не повезло: по сути, ни одного “места памяти” об этом событии в современной российской действительности не существует. О чем это свидетельствует – об отсутствии Истории события? Или об отсутствии Памяти? С Историей вроде бы все неплохо: главные события трех решающих дней 27 февраля – 1 марта 1917 года чуть ли не поминутно расписаны и в сохранившихся документах и телеграммах представителей власти, и в мемуарах главных действующих лиц (в частности, можно упомянуть “Дни” В. Шульгина и “Воспоминания” П. Милюкова).

¹ На материале российской культуры классическим примером второй функции “места памяти” может служить мавзолей В.И. Ленина на Красной площади в Москве.

Что касается Памяти, то здесь ситуация много сложнее. Причины замалчивания самих событий февраля 1917 года в советское время очевидны – помимо прочего, сам факт этой революции оспаривал уникальность достижений большевиков в деле свержения царизма в России. Но после снятия идеологических запретов можно было ожидать большего внимания (и почтения) если не к тем событиям, весьма неординарным для российской истории, то хотя бы к главным действующим лицам эпопеи с отречением главы государства в разгар мировой войны. Накануне годовщины февральских событий в “Российской газете” была опубликована большая статья А.И. Солженицына, посвященная осмыслению и сути, и итогов этой революции [Солженицын. 2007]². С одной стороны, Солженицын (в своем сегодняшнем предисловии) говорит о значении Февральской революции и о том, как “безжалостно” обошлись с памятью о ней при советской власти: “В СССР всякая память о Февральской революции была тщательно закрыта и затоптана. (Праздник 12 марта, в котором отмечалась годовщина Февральской революции, – большевики упразднили уже в середине 20-х годов.) А между тем именно Февраль трагически изменил не только судьбу России, но и ход всемирной истории. И так неотвратимо-глубоко было забвение, что вот лишь 90-я годовщина Февраля может дать толчок нашей памяти, просвет к осознанию”.

С другой стороны, в конце статьи он уже сам делает все, чтобы Память о тех событиях никак не могла возникнуть. Делает он это самым простым способом – размазывая всех творцов революции по скатерти истории: “Вот – бледный, жалкий итог столетнего, от декабристов, «Освободительного движения», унесшего столько жертв и извратившего всю Россию! <...> Размазнию князя Львова «Сатирикон» тогда же изобразил в виде прижизненного памятника самому себе «за благонравие и безвредность». Милюков – окаменелый догматик, засушенная вобла, не способный поворачиваться в струе политики. Гучков – прославленный брестер и разоблачитель, вдруг теперь, на первых практических шагах, потерявший весь свой задор, усталый и заплутавший. Керенский – арлекин, не к нашим кафтанам. Некрасов – зауряд-демагог, и даже как интриган – мелкий. Терещенко – фиговистый великосветский ухажёр” [Солженицын. 2007].

Статья вызвала достаточно широкий резонанс, и “Российская газета” на своем сайте разместила серию откликов на текст нобелевского лауреата. Во всех этих откликах в той или иной степени поддерживается и развивается не столько первый приведенный тезис Солженицына, сколько тоналность второй цитаты. Причем если Солженицын призывает помнить эту дату как трагическую, поминальную по царской России, то современные деятели интеллектуальной элиты высказываются жестче: “Февраль 1917-го – не та дата, которую стоит праздновать. В течение нескольких дней была разрушена российская государственность, а с ней и великая страна” [Никонов. 2007].

Память сакрализует прошлое, придает ему застывшую форму монумента, в то время как История стремится разрушить этот монумент, она десакрализует события

² Статья была написана в 1980–1983 годах как итог размышлений над этим периодом российской истории в процессе работы над монументальным трудом “Красное Колесо”.

Теперь интересно посмотреть, как на фоне подобной антипамяти со стороны представителей интеллектуальной элиты существует память о февральских событиях в массовом сознании³. Воспользуемся данными опроса ФОМ, проведенного накануне годовщины Февральской революции⁴.

Подавляющее большинство опрошенных россиян – 85% – “знают” или “слышали” об этом факте отечественной истории. Однако в данном случае безуслов-

Причины замалчивания событий февраля 1917 года в советское время очевидны – сам факт этой революции оспаривал уникальность достижений большевиков в деле свержения царизма в России

но более значимым является “встречный” показатель – 15% россиян либо уверены, что ничего не слышали о Февральской революции, либо затруднились с ответом.

Теперь обратимся собственно к тому, что вспоминается людям при упоминании словосочетания “Февральская революция” в контексте российской истории (соответствующий открытый вопрос был первым по данной теме, поэтому никаких дополнительных указаний на 1917 год не было).

Сразу бросается в глаза, что 56% опрошенных затруднились с ответом, а еще 4% заявили, что им не вспоминается ровным счетом ничего, – таким образом, для 60% россиян словосочетание “Февральская революция” является, по сути, пустым звуком, не связанным ни с каким образом, действием или личностью отечественной истории. Причем чем моложе респонденты, тем меньше они знают об этой странице отечественной истории: если в средней возрастной группе затруднились с ответом 50% опрошенных (а еще 4% заявили, что не имеют никаких ассоциаций), то среди респондентов в возрасте от 18 до 35 лет от ответа уклонились две трети из числа тех, кому был задан вопрос. Очевидно, что тема Февральской революции освещалась преимущественно в научно-историческом контексте – ни известных фильмов, ни спектаклей, ни песен ей посвящено, разумеется, не было. Поэтому легко предположить, что для большинства россиян основным источником информации о тех событиях были школьные уроки истории. И на этом фоне бросается в глаза то обстоятельство, что люди среднего возраста больше знают о феврале 1917-го, чем молодые респонденты, которые позже окончили школу и, по идее, должны лучше помнить содержание школьного курса истории⁵.

Обратимся к ответам тех 40% россиян, у которых возникли какие-либо ассоциации с февральскими событиями. Примерно в каждом четвертом из значимых суждений мы встречаем указания на реалии, непосредственно относящиеся к событиям февраля 1917 года.

“Была свержена монархия”; “низложение царской власти”; “отречение царя Николая II от престола”; “падение монархии”; “буржуазная революция”; “буржуазный переворот”; “двоевластие государства”; “избрали вре-

³ Разумеется, мы ни в коей мере не допускаем возможности прямого влияния приведенных суждений на массовое сознание. Они просто свидетельствуют о том дискурсе, в котором существует в современном обществе память о Февральской революции.

⁴ Общероссийский опрос от 17–18 февраля 2007 года (100 населенных пунктов, 44 субъекта РФ, 1500 респондентов).

⁵ Впрочем, можно предположить, что и качество преподавания истории в школе, и внимание, уделяемое ему системой школьного образования в целом, и место истории в иерархии школьных предметов заметно снизились за последние 10–15 лет. Однако это тема отдельного исследования.

менное правительство”; *“Керенский*”; *“Керенский пришел к власти”* (ответы на открытый вопрос).

Авторы другой группы суждений (примерно шестая часть от массива значимых ответов) в явном виде приписывают Февральской революции реалии и оценки, относящиеся к другим событиям, чаще всего – “позаимствованные” у революции Октябрьской.

“Бедные восстали”; *“восстание рабочих и крестьян”*; *“народ восстал”*; *“Ленин в кепке”*; *“Ленин на броневике”*; *“Ленин пришел к власти”*; *“большевики”*; *“власть Советов”*; *“после этого бедным жить лучше стало”*; *“у власти рабочие и крестьяне”*; *“1905 год, революция”* (ответы на открытый вопрос).

Чаще всего (примерно треть от массива значимых суждений) ответы респондентов представляли собой некие неопределенные высказывания, которые в явном виде не указывали на конкретное событие.

“Борьба между противоборствующими силами”; *“вооруженный переворот”*; *“изменение в строе”*; *“исторический переворот в России”*; *“революция – это всегда что-то новое в развитии страны”*; *“военные действия, кровопролитие”*; *“гражданская война”*; *“кровь, жертвы”*; *“в школе проходил”*; *“историческая дата”*; *“исторический факт”*; *“история – школьный предмет”*; *“история, которую мы должны знать”* (ответы на открытый вопрос).

Респонденты, очевидно, не имеют четких, устойчивых ассоциаций и знаний, связанных с Февральской революцией, и понимая, что это нечто значимое (и даже, скорее всего, общеизвестное – “в школе проходили”), дают ответы,

отталкиваясь лишь от тех “опорных” слов, которые есть в вопросе, – “русская история” и “революция”.

И наконец, последняя группа ответов – это эмоциональные высказывания респондентов, также, очевидно, по большей части навеянные присутствием в вопросе слова “революция”.

“Досада”; “какая-то ошибка”; “лучше бы не было революции”; “нехорошее событие”; “негативное воспоминание”; “анархия”; “бардак”; “беспредел и хаос”; “голод, разруха”; “дурдом”; “кошмар, революция – это хаос”; “положительно”; “праздник”; “радость”; “то, что нужно было России” (4%; ответы на открытый вопрос).

Впрочем, нельзя однозначно утверждать, что авторы данных суждений ничего не знают о Февральской революции – даже, скорее, напротив: они знают об этом событии, и у них есть о нем устойчивое впечатление, эмоциональная оценка. Косвенным подтверждением сказанного может служить то, что представители данной группы респондентов значительно реже других затруднились при ответе на вопрос, пользу или вред принесло России падение монархии в феврале 1917 года.

Ключевым событием Февральской революции стало падение в России монархии, и мы поинтересовались у респондентов, как они оценивают значение этого события для российской истории. Мнения опрошенных разделились примерно поровну: 28% считают, что падение монархии принесло России скорее вред, чем пользу, 26% – что падение монархии принесло больше пользы, чем вреда.

Тех, кто считает, что падение монархии принесло России скорее вред, оказалось заметно больше среди жителей всех относительно крупных российских городов – от 37% среди жителей мегаполисов до 40% среди жителей иных обла-

стных центров (в Москве этот показатель составил 39%). Жители малых городов и сел чаще считают, что падение монархии все-таки принесло больше пользы.

Отметим также, что из всех возрастных групп наиболее “промонархически” оказались настроены респонденты среднего возраста (35%). Эти данные перекликаются с наблюдениями В.Ф. Чесноковой [Чеснокова. 2002]. Анализируя данные опросов 1994–2000 годов, посвященные отношению россиян к возможности восстановления монархии, исследовательница отмечала, что в 1994 году “промонархическим” настроениям была в наибольшей степени подвержена самая “зеленая” молодежь (до 25 лет), в 2000 году – люди в возрасте 30–35 лет (то есть примерно то же поколение). Сегодня мы видим, что наибольшую склонность со-

жалеть о падении монархии демонстрируют люди в возрасте 40–45 лет – то есть сохраняется тенденция движения “монархической волны” вместе с одним и тем же поколением.

Впрочем, безусловно нельзя считать ответы на данный вопрос показателем реальных монархических настроений в современной России. Лишь каждый шестой из тех, кто заявил, что падение монархии нанесло России вред, аргументировал свою позицию (отвечая на соответствующий открытый вопрос)

Тема Февральской революции освещалась преимущественно в научно-историческом контексте – ни известных фильмов, ни спектаклей, ни песен ей посвящено не было. Поэтому для большинства россиян основным источником информации о тех событиях были школьные уроки истории

тем, что монархия необходима нашей стране как форма государственного устройства.

“Для России нужно единовластие”; “должно быть единоначалие”; “единовластие – лучший способ руководства государством”; “России нужен монарх, это было показано на протяжении всей истории”; “царь передавал престол по наследству, поэтому не разговаривал ее, а развивал” (5%; ответы на открытый вопрос).

Большинство же респондентов, аргументируя свою позицию, апеллировали к конкретным негативным последствиям падения монархии в России 90 лет назад – анархия, гражданская война, экономическая разруха, репрессии большевиков.

Общественно-исторический подход в аргументации респондентов встречается не столь часто (примерно шестая часть содержательных ответов на вопрос), но некоторые из них оценивают последствия свержения монархии, исходя уже из событий последних лет – отказ от социализма, возвращение на “капиталистический путь”, отставание страны в развитии, низкий уровень жизни.

“70 лет пролетели при социализме, и опять вернулись в капитализм, только без царя”; “мы бы подошли быстрее к капитализму”; “70 лет прожили – не туда шли”; “на 70 лет назад нас откинули”; “это затормозило развитие России”; “если бы был царь, может, мы бы сейчас жили лучше”; “сейчас народ живет очень плохо”; “люди стали бедно жить” (ответы на открытый вопрос).

Польза отказа от монархии респондентам чаще всего видится в том, что в России был установлен демократический строй, “люди получили больше прав”.

“Власть стала передаваться не по наследству, а выбираться”; “возможность перехода к демократическому государству”; “демократия в стране постепенно сложилась”; “народ получил власть и стал сам управлять государством”; “люди стали свободнее, не стало господ” (всего 10%; ответы на открытый вопрос).

Часть опрошенных – очевидно, представители старшего поколения, – полагают, что ликвидация монархии способствовала установлению “социальной справедливости”, появлению таких социальных благ, как бесплатное образование, здравоохранение.

“Людям стало легче, мы стали учиться”; “мы стали жить лучше со временем, пенсионеры жили по-человечески”; “жизнь простых людей улучшилась”; “люди простые стали жить после этого лучше”; “после этого в России было образование для всех возможно”; “бесплатное образование, здравоохранение” (3%; ответы на открытый вопрос).

* * *

В одной из своих поздних работ “Культура и взрыв” (1992) Ю.М. Лотман выдвинул тезис о противоположности русской и западной культур как культур “бинарной” и “тернарной”. На множестве примеров Ю.М. Лотман показывает, как русская культура в любой ситуации склонна к формированию двух

Историческая память в целом склонна сохранять и увековечивать “предельные”, “финальные” события, а русская историческая память подвержена этому “в квадрате”

противолежащих полюсов, тогда как западная культурная система стремится к построению более гибкой, “трехчленной” конструкции. В бинарной культуре развитие полюсов идет по пути нарастающего антагонизма с противоположным полюсом, тогда как при тернарной структуре каждый полюс одновременно и противопоставляет себя одному из полюсов, и ищет точки соприкосновения. Для нашей темы в данном контексте важно то соображение Ю.М. Лотмана, что в бинарной системе момент “взрыва” в культуре сотрясает всю систему целиком, тогда как в тернарной системе всегда остаются слои, взрывом не затрагиваемые, потому что они оказываются вне линии разлома. В русской – “бинарной” – культурной системе “даже там, где эмпирическое исследование обнаруживает многофакторные и постепенные процессы, на уровне самосознания мы сталкиваемся с идеей полного и безусловного уничтожения предшествующего развития, апокалиптического рождения нового” [Лотман. 2000. С. 147]. Промежуточная по месту в истории страны, Февральская революция 1917 года, по всей видимости, остается чуждым для российского бинарного самосознания событием. Историческая память в целом склонна сохранять и увековечивать “предельные”, “финальные” события, а русская историческая память подвержена этому “в квадрате”. В 1992 году Ю.М. Лотман в своей книге выражал надежду, что Россия начнет двигаться от бинарной к тернарной, западной, культурной системе. Но сегодня, во всяком случае в политической сфере, бинарность по-прежнему доминирует. Ярче всего это проявляется в очевидном структурировании российского политического поля по одной оси, на концах которой расположены полюса “власть” и “оппозиция”. При этом на полюсе “оппозиция” (и это главное) собираются силы, между которыми найти общее еще несколько лет назад было бы крайне затруднительно.

И активное отторжение, неприятие Февральской революции представителями интеллектуальной элиты, и весьма слабое присутствие этой даты в массовом сознании свидетельствуют о том, что к взвешенной, адекватной оценке таких промежуточных событий российское “бинарное” культурное и историческое самосознание еще не готово. ■

Литература

Лотман М. Ю. Культура и взрыв / Лотман М. Ю. Семиосфера: Культура и взрыв; Внутри мыслящих миров; Статьи; Исследования; Заметки. СПб.: Искусство СПб, 2000.

Никонов В. Крушение Империи. Почему за несколько дней была разрушена российская государственность; <http://www.rg.ru/2007/03/16/diskussia.html>

Нора П. Историческая память / Нора П., Озуф М., Пюимеж Ж., Винок М. Франция – память. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 1999.

Солженицын А. Размышления над Февральской революцией // Российская газета. 2007. 27 февр.; <http://www.rg.ru/solzhenicyn.html>

Чеснокова В. О монархических настроениях в России; <http://bd.fom.ru/report/map/oz02061906>